

Киевская историческая школа

С. И. Михальченко

Для цитирования: *Михальченко С. И.* Киевская историческая школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 53–69. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.103>

Статья посвящена киевской школе в историографии второй половины XIX — первой трети XX в. В статье характеризуются новые тенденции в изучении схолярной проблематики в последние годы, в том числе антропологический подход (интерес к личным взаимоотношениям внутри школ, а не только в рамках дихотомии «учитель — ученики»; «внутришкольные» конфликты и др.). С учетом новых подходов анализируются происхождение, структура школы, генетические взаимосвязи между разными ее частями. В 1850-х — 1860-х годах ученики основателя школы Н. Д. Иванишева по Университету Св. Владимира М. Ф. Владимирский-Буданов и Ф. И. Леонтович, а также ученик и преемник по Киевской комиссии для разбора древних актов В. Б. Антонович составили первое поколение киевской школы. А. М. Андрияшев, Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, А. С. и М. С. Грушевские, В. Е. Данилевич, М. В. Довнар-Запольский, В. Г. Ляскоронский и Н. В. Молчановский, ученики Антоновича, и Г. В. Демченко, Н. А. Максимова, И. А. Малиновский, А. Я. Шпаков, М. Н. Ясинский, ученики Владимирского-Буданова, — второе ее поколение. При этом Владимирский-Буданов и Леонтович образуют школу западнорусского права в российской историографии. Наконец, к третьему поколению киевской школы принадлежат А. М. Гневушев, Ф. Я. Клименко, Б. Г. Курц, П. П. Смирнов, Е. Д. Сташевский, Н. Ф. Яницкий и другие, ученики уже М. В. Довнар-Запольского. Их активная научная деятельность приходится на 1910-е — 1920-е годы. В статье раскрываются идейные истоки и организационные причины возникновения школы: воззрения М. И. Максимовича, Н. И. Костомарова; организаторская роль Н. Д. Иванишева; изменения в системе университетского преподавания, связанные с введением в 1870-е годы практических занятий на историко-филологических и юридических факультетах. Показаны сходство (партикуляристический подход) и различия (изменение хронологических рамок и частично географической локализации исследований; эволюция от теории равнозначных факторов к выделению важности одного, экономического) между наследовавшими друг другу школами Довнар-Запольского и Антоновича. Делается вывод о существовании школы в рамках единой общероссийской историографии.

Ключевые слова: школы в исторической науке, киевская школа, Н. Д. Иванишев, В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский, М. Ф. Владимирский-Буданов, Ф. В. Леонтович.

Сергей Иванович Михальченко — д-р ист. наук, проф., Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского, Российская Федерация, 241036, Брянск, ул. Бежицкая; 14; smikh10@mail.ru

Sergey I. Mikhailchenko — Doctor in History, Professor, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University, 14, ul. Bezhitskaya, Bryansk, 241036, Russian Federation; smikh10@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Kievan Historical School

S. I. Mikhalchenko

For citation: Mikhalchenko S. I. Kievan Historical School. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 53–69. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.103> (In Russian)

The article is devoted to Kievan school in the historiography of the second half of the XIX — first third of the 20th century. New trends in the study of scholastic problems in recent years, including the anthropological approach (interest in personal relationships within schools, not only within the dichotomy of “teacher-students”, “intraschool” conflicts, etc.) are characterized. Taking new approaches into account, the origin, school structure, genetic interrelations between different parts of the general Kievan school are examined. Students of the founder of the school N. D. Ivanishev at St. Vladimir University (in the 1850s and 1860s) M. F. Vladimirsky-Budanov and F. I. Leontovich, as well as V. B. Antonovich, his student and successor in Kiev Commission for the analysis of ancient acts, formed the first generation of Kievan school. Students of Antonovich (A. M. Andriyashev, D. I. Bagalei, P. V. Golubovsky, A. S. and M. S. Grushevskies, V. E. Danilevich, M. V. Dovnar-Zapolsky, V. G. Lyaskoronsky, N. V. Molchanovsky) and Vladimirsky-Budanov (G. V. Demchenko, N. A. Maksimeyko, I. A. Malinovsky, A. Ya. Shpakov, M. N. Yasinsky) comprised the second generation of Kievan school. Vladimirsky-Budanov and his disciples, in addition to Leontovich and his student F. V. Taranovsky, shaped a special school of Western-Russian law in Russian historiography. Finally, the third generation of Kievan school was comprised by the students of M. V. Dovnar-Zapolsky (A. M. Gnevashev, F. Ya. Klimenko, B. G. Kurts, P. P. Smirnov, E. D. Stashevsky, N. F. Yanitsky and others). Their active scholarly work coincided with the 1910s — 1920s. The article explores ideological origins and organizational reasons for the emergence of the school. Similarities and differences between the schools of Dovnar-Zapolsky and Antonovich, deriving from each other, are shown. The article concludes that the school existed within the framework of a single all-Russian historiography.

Keywords: schools in historical science, Kievan school, N. D. Ivanishev, V. B. Antonovich, M. V. Dovnar-Zapolsky, M. F. Vladimirsky-Budanov, F. V. Leontovich.

Исследование школ и направлений в исторической науке, ставшее весьма популярным еще в 1980-е — 1990-е годы, не теряет актуальности и сейчас. Наряду с устоявшимся вниманием к московской и петербургской школам¹, исследователи обращают внимание на школы в иных научных центрах², а также в смежных областях гуманитарного знания (археологии³, антропологии⁴). Продолжают изучаться

¹ *Ананьич Б. В., Панеях В. М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–114; *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003; *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; *Цыганков Д. А.* Исследовательские традиции московской и петербургской школ историков // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 3. М., 2005. С. 66–77 и мн. др.

² *Могильницкий Б. Г.* Становление томской историографической школы // Томск советский. Томск, 2003. С. 172–173; *Камынин В. Д., Цыпина Е. А.* Уральская историографическая школа // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 67–75.

³ *Мельникова О. М.* Научные школы в археологии: автореф. дис... докт. ист. наук. Ижевск, 2004.

⁴ *Никишенков А. А.* Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20–40-е годы XX в.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 55–66.

и лидерские школы⁵. Изучение функционирования конкретных объединений историков, как правило, соседствует с обоснованием того, что понимается исследователем под школой в науке. Большинство авторов, не предлагая новых определений, склоняются к одному из уже существующих, причем многие из этих определений так или иначе восходят к ставшему теперь основополагающим для схолярных исследований сборнику «Школы в науке», изданному в 1977 г.⁶ Как правило, историографы соглашались с фактом наличия педагогического аспекта в деятельности школы, как минимум — на стадии ее формирования (т. е. с началом организации школы в рамках дихотомии «учитель — ученики»)⁷. Если же такого факта не было, то перед нами, скорее, не столько школа, сколько направление, т. е. объединение, где приоритетна идейная общность, а не организационно-методическое единство.

Характерна в связи с этим оценка В. В. Боярченковым «новой исторической школы», «основание которой обычно связывается с именами С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина»: она, «как и другие «школы» в науке русской истории той поры, представляла собой аморфное образование, обусловленное преимущественно потребностями журнальной борьбы. Такие «школы» не имели институциональной основы и объединяли ученых лишь на основе признания ими главенства одних и тех же исторических «начал»⁸.

В ряду максимально генерализованных определений школ следует признать вариант, предложенный Г. П. Мягковым, считающим, что «научная школа — совокупность лиц, связанных генетически, т. е. формальным или неформальным ученичеством, и объединенных общей научной идеологией, т. е. совокупностью идей»⁹. Важной частью бытия школы выступает передача в ее рамках такого трудно формализуемого, но вполне бесспорного явления, как «тип научной культуры»¹⁰ («профессорская культура»¹¹, «интеллектуальная культура»¹²). Наряду с серьезным вниманием к изучению школ как некоего единого организма (названному в литературе даже «экспансионизмом “школоискательства”»¹³, а чуть позже и «схоляр-

⁵ Липтева Л. П. В. И. Ламанский (1833–1914) и его историческая школа // Российские университеты в XVIII–XX веках. Сб. науч. статей. Вып. 6. Воронеж, 2002. С. 68–83. Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

⁶ Школы в науке / под ред. С. Г. Микулинского. М., 1977.

⁷ Беленький И. Л. Российское научно-историческое сообщество в конце XIX — начале XXI в.: публикации и исследования 1940-х — 2010-х гг. // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. М., 2011. С. 372–373. Свешников А. В. Научная школа как конструкция. О приемах формирования петербургской школы медиевистов начала XX века // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012. Vol. 5. P. 121–158.

⁸ Боярченков В. В. Историческая наука в России 1830 — 1870-х гг.: поиск новой концепции русской истории: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 21.

⁹ Мягков Г. П. Историк в «своей» научной школе: проблема «внутришкольной» коммуникации // Историк на пути к открытому обществу: материалы Всероссийской науч. конференции. Омск, 2002. С. 117.

¹⁰ Чирков С. В. Археография и школы в русской историографии в конце XIX — начале XX в. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 19–27.

¹¹ Горин Д. Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX — начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX в. Брянск, 1996. С. 42–51.

¹² Репина Л. П., Мягков Г. П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137–142.

¹³ Мягков Г. П. Историк в «своей» научной школе... С. 115. См. также: Остряк А. Наукові історичні школи в Україні: фантоми української історіографії // Історіографічні дослідження в Україні. 2012. № 22. С. 293–310.

ным куражом»¹⁴), с конца 1990-х — начала 2000-х годов наблюдается рост интереса к бытовой стороне жизни ученых (в том числе историков), их личным взаимоотношениям, конфликтам в научной среде, которые начинают расцениваться как одна из движущих сил развития науки в целом и научных школ в частности¹⁵. Как полагает А. В. Овчинников, «проанализировав жизнь представителей школы в социально-политическом и психологическом контексте эпохи и “спроецировав” контуры образовавшейся модели на собственно историографический источник, мы получим гносеологически обоснованную концепцию научной школы»¹⁶. Такой подход приобрел название антропологического¹⁷ и характеризуется сейчас как весьма перспективный, позволяющий среди прочего учитывать особенности исследовательского труда в исторической науке как индивидуализирующего («индивидуализм» предмета порождает «индивидуализм» метода и познавательной деятельности»¹⁸) и, как следствие, сложность или даже невозможность уравнивания смысла понятия «школа» в естественных и гуманитарных науках¹⁹.

Интерес к внутренней структуре школ и их саморазвитию вновь актуализировал изучение, казалось бы, уже исследованных историографических феноменов, таких, например, как киевская школа в историографии²⁰. Понятие «киевская школа» в гуманитарном знании относится не только к исторической науке²¹, но именно киевские историки второй половины XIX — первой трети XX в. дали своеобразный вариант научно-педагогической школы, просуществовавшей в новых реинкарнациях на протяжении более пятидесяти лет.

Формированию киевской школы способствовало несколько обстоятельств: во-первых, сыграло роль желание российских властей минимизировать польское влияние в Юго-Западном крае (на Украине) и тем самым поощрить изучение местной истории; во-вторых, имели значение научно-организационные причины — сам факт существования с 1834 г. киевского Университета Св. Владимира и организация в Киеве Временной Комиссии для разбора древних актов, одной из целей которой было изучение местной истории через исследование документов²². Важнейшей

¹⁴ Корзун В. П., Мягков Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2013. Vol. 6. P. 173.

¹⁵ Михальченко С. И. Дело профессора Е. В. Сташевского // *Вопросы истории*. 1998. № 4. С. 122–129. Свешников А. В. Как поспорил Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 96. С. 42–72.

¹⁶ Овчинников А. В. Социальный состав конкурирующих «научных школ» А. П. Смирнова и Н. Ф. Калинина — А. А. Халикова (к вопросу о причинах дискуссий конца 1960-х — начала 1970-х гг.) // XIII Бадеровские чтения. Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. Ижевск, 2010. С. 65.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Мягков Г. П. Историк в «своей» научной школе... С. 118.

¹⁹ Захарчук Т. В. Формирование научных школ в науках социально-гуманитарного цикла // *Приволжский научный вестник*. 2012. № 2 (6). С. 124–129.

²⁰ Кіян О. І. Генезис поняття «київська історична школа» в історіографії // *Історіографічні дослідження в Україні*. 1999. Вип. 9. С. 154–165; Босенко Н. П., Кіян О. І. Київська історична школа Володимир Антоновича на зламі XIX — поч. XX ст. Кіровоград, 2016.

²¹ См. напр.: Беленчук Л. Н., Прокофьева Е. А. Педагогические идеи представителей киевской философской школы середины XIX в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2010. Вып. 3 (18). С. 89–103.

²² Босенко Н. Ідейно-політичний фактор і наукові передумови зародження «київської документалістської школи» в східнослов'янській історіографії // *Наукові записки [Кіровоградського*

организационной причиной формирования киевской школы стало усиление практической направленности преподавания, проявившееся в последней трети XIX в. в расширении семинарских занятий. Следует заметить, что развитие семинарской системы в целом было связано с установками министра народного просвещения Д. А. Толстого, который в 1869 г. предложил университетским советам обсудить меры привлечения студентов «к серьезным занятиям под руководством преподавателей, так как одно пассивное слушание лекций не может быть признано достаточным для достижения целей университетского учения»²³. Этот аспект решающим образом сказался на появлении школ Антоновича и Владимирского-Буданова. Важным аспектом были и внутренние закономерности развития исторической науки, когда после создания обобщающих трудов Н. М. Карамзина и появления первых томов «Истории России» С. М. Соловьева ученые обратили внимание на местные сюжеты и появилось так называемое федералистическое (областническое) направление, представленное именами А. П. Шапова и Н. М. Костомарова.

Основателем киевской школы был профессор (в 1839–1865 гг.) юридического факультета Киевского университета Николай Дмитриевич Иванишев (1811–1874).

В 1843 г., когда была создана специальная Временная комиссия для разбора древних актов (археографическая), Н. Д. Иванишева избрали редактором юридических памятников, которые должна была издавать комиссия в числе других документов. Он же был среди инициаторов создания в 1852 г. в Киеве, Вильно и Витебске так называемых Центральных архивов. В Киеве архив был организован при университете, в нем были собраны все актовые книги Юго-Западного края по 1799 г. С этого времени издательская деятельность Киевской археографической комиссии вступила в новую, активную фазу: собранные в архиве документы представляли широкую возможность для их изучения и публикации. Н. Д. Иванишевым был предложен план издания документов, оставшийся в основе неизменным вплоть до начала XX в. По этому плану все документы подразделялись на восемь отделов, каждый из которых составлял особую часть издания, получившего название «Архив Юго-Западной России». Каждая из частей могла составлять неограниченное число томов в зависимости от объема материала.

Как ученый Н. Д. Иванишев был известен трудами по истории славянских законодательств (в первую очередь богемского права) и работами по истории Юго-Западного края, главная из которых — «О древних сельских общинах в Юго-Западной России»²⁴. Анализ его работ показывает, что Н. Д. Иванишев признавал необходимость и возможность сравнительного метода исследования правовых и исторических явлений, особенно славянских законодательств при опоре на широкую документальную (источниковую) базу. В историко-правовых исследованиях Н. Д. Иванишев предполагал возможность выделения исконно славянского субстрата («славянизма») из нескольких более поздних славянских правовых установлений и, как следствие, признавал существование единого славянского права; он безусловно разделял концепцию исторической школы права, подчеркивая истори-

державного педагогического университету імені Володимира Винниченка]. Сер. Історичні науки. 2012. Вип. 16. С. 193–199.

²³ Цит. по: Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Университетский вопрос» в 1866–1884 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1, т. 1. С. 26.

²⁴ Иванишев Н. Д. Соч. Киев, 1876. С. 231–298.

ческое развитие права и его национальный дух. В конкретно-исторических трудах Н. Д. Иванишев, во-первых, проявил особый интерес к истории Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое признавалось федеративным образованием, преемником Киевской Руси с русским по духу и языку населением; во-вторых, среди разных объектов исследования он предпочел общину, которую считал исконно славянским институтом²⁵. Взгляды Н. Д. Иванишева наряду с федералистической концепцией Костомарова — Максимовича стали методологической основой трудов первого поколения киевской школы историков: В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимирского-Буданова и их учеников.

Н. Д. Иванишев работал в период начала активной дифференциации научного знания. Сам он еще мог соединять изучение истории права, в том числе славянских законодательств, с изучением гражданской истории России и Украины. Однако в дальнейшем, с усилением специализации в науке, такое соединение становилось все более затруднительным. Вот почему Н. Д. Иванишев фактически оказался родоначальником сразу двух школ: историко-правовой (западнорусского права Владимирского-Буданова — Леонтовича) и исторической — Антоновича. Хотя у этих школ было много общего — интерес к истории народа, общины, активное занятие историей ВКЛ, широкая археографическая деятельность, — возникали и различия, проистекавшие из разных подходов — юридического и конкретно-исторического. Созданию школы западнорусского права способствовало, конечно, и образование по Уставу 1863 г. кафедры истории русского права в университетах.

Владимир Бонифатьевич Антонович (1834 (1830) — 1908) был учеником и преемником Иванишева по Киевской комиссии для разбора древних актов (Антонович окончил историко-филологический факультет университета Св. Владимира и лекций Иванишева не слушал). Методологической основой деятельности Антоновича и его школы стала концепция Максимовича — Костомарова.

В 1857 г. в четвертом номере журнала «Русская беседа» было напечатано ставшее знаменитым письмо М. А. Максимовича к М. П. Погодину: «О мнимом запустении Украины». Погодин полагал, что в результате татарского нашествия южная Русь опустела, население частью было уничтожено, частью ушло на Северо-Восток или Запад. Максимович, опровергая данную точку зрения, настаивал на непрерывном существовании населения в этом регионе (позднее указанный тезис будет вновь доказываться В. Б. Антоновичем и М. Ф. Владимирским-Будановым на основе археологических и архивных данных). В этой же публикации Максимович одним из первых в исторической науке распространил различие между Украиной (Малороссией), Белоруссией и Россией на древнюю Русь, заявляя, что князья Волынские, Галицкие — малороссы, а Полоцкие — белорусы²⁶. Вскоре это положение будет подхвачено Н. И. Костомаровым и позднее доведено до логического конца М. С. Грушевским. Антоновичу было близко и стремление Максимовича обогатить исторические исследования естественно-научными и филологическими знаниями.

²⁵ Лантвева Л. П. Профессор Университета Св. Владимира Н. Д. Иванишев (1811–1874) и его деятельность в Киевской археографической комиссии // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 1. Київ, 1992. С. 47–58; Кіяч О. М. Д. Іванишев як історик й організатор історичної науки // Український історичний журнал. 2002. № 2. С. 84–100.

²⁶ Максимович М. А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее но-вопришлым народом // Максимович М. А. Соч. Т. I. Киев, 1876. С. 138–139.

ми²⁷. Так, в курсе лекций по русской истории 1878–1879 гг. Антонович заявлял, что «для человека, занимающегося историей, нет ни одного лишнего знания. Ему необходимо знакомство с науками филологическими, юридическими, экономическими и естественными, а также и с такими вспомогательными знаниями, как археология, палеография, нумизматика, дипломатика, геральдика, сфрагистика и др.»²⁸.

Положения, выдвинутые М. А. Максимовичем, были развиты Н. И. Костомаровым.

К началу 1860-х годов Н. И. Костомаров отошел от политической практики, занимаясь исключительно литературной деятельностью. Именно в 60-х — начале 70-х годов вышли в свет его принципиальные по содержанию статьи «Мысли о федеративном начале в древней Руси», «Две русские народности», «Об отношении русской истории к географии и этнографии», «Начало единой державы в древней Руси» и др. В этих сочинениях Н. И. Костомаров выдвинул ряд важных положений, которые легли затем в основу исторической концепции Антоновича и его учеников.

По мнению Н. И. Костомарова, преобладающей формой организации населения в Древней Руси были не княжества, а племена. Деление по княжениям уступало «натуральному делению по племенам», являющимся основой не политико-территориального, а духовно-национального целого — «земли». Земли могли совпадать по границам с княжествами, но чаще это были ее крупные единицы, включавшие в себя несколько княжеств²⁹. Несмотря на известную самостоятельность земель во главе с главным городом, к которому «тянулись» пригороды (явное влияние Соловьева), земли не были совершенно независимыми друг от друга. Существовала «федеративная связь этих частей, хотя и «без определенных учреждений для поддержки согласия между ними, основанная более на всеобщем чувстве, сознании единства Русской земли и ее народа»³⁰. Главной задачей изучения истории, по Н. И. Костомарову, является изучение народной жизни, а не князей. Историк подчеркивал, что проводившееся ранее изучение только политики правящего слоя населения «походило на описание верхних ветвей дерева, не касаясь ствола и корней»³¹. Народная жизнь наиболее ярко (через вече) проявлялась именно в удельно-вечевой период, поэтому основное внимание историк народной жизни должен проявлять к этому времени. В единой державный период народ перестает бытьдемиургом истории, на первый план выходит государство. В борьбе этих двух начал — народного и государственного — и заключалась вся история Руси.

Наконец, важной составляющей концепции Н. И. Костомарова была высказанная им мысль о двух русских народностях — южнорусской (малорусской, украинской) и великорусской; затем число этих народностей (в Древней Руси) было увеличено до пяти. Отсутствие единой древнерусской народности приводило к невозможности единой истории Древней Руси. Костомаров, однако, не развил данный тезис, не довел его до логического конца, это было сделано много позже М. С. Грушевским.

²⁷ Марков П. Г. Общественно-политические и исторические взгляды М. А. Максимовича. Киев, 1986. С. 69, 100–103.

²⁸ Антонович В. Б. Записки по русской истории 1878/1879 гг. // Институт рукописи Центральной научной библиотеки НАН Украины. Ф. 1. № 8105. С. 7.

²⁹ Костомаров Н. И. Собр. соч. Кн. I. СПб., 1903. С. 11.

³⁰ Там же. С. 407; Костомаров Н. И. Собр. соч. Кн. 5. СПб., 1905. С. 7.

³¹ Костомаров Н. И. Собр. соч. Кн. I. С. 720.

В 1861 г. Н. И. Костомаров фактически предложил программу исследования русских земель. «Надобно исследовать и привести в ясность все виды русской народности, во всей совокупности их отличительных признаков,— писал историк.— Надобно отыскать: чем выражается отличие одного края от другого, с ним соседнего, в наречии, говоре, образе жизни, постройках, одежде, пище, обычаях, привычках; надобно обозначить совокупность всех таких признаков, составляющих этнографические виды; показать их взаимные переходы и местные их грани, и с настоящим положением народностей связать историческое течение прошедшей жизни народа»³².

Интерес к истории народа лежал и в основе исторических взглядов В. Б. Антоновича. Он полагал, что «история — это есть народное самопознание» и «чем более вносится в него света, правды и науки, тем выше, нравственнее, а следовательно, и могущественнее становится данный народ»³³. Отсюда — попытки в любом историческом явлении определить народные интересы и роль народа. Интерес к истории народа, объединяясь с заимствованными у западноевропейских историков позитивистскими установками на многофакторность объяснения того или иного явления, привели в мировоззрении В. Б. Антоновича к своеобразной теории борьбы начал, которую он проводил практически во всех своих исторических трудах. На основании этих взглядов и была сформирована программа деятельности школы. Данная программа никогда не обнародовалась, но как современники, так и потомки признавали ее существование. Так, П. П. Смирнов, изучавший научные работы представителей школы Антоновича, полагал, что сочинения его учеников «восходят... к тому плану ученых работ, который сложился у ученого, и который, бесспорно, доминирует над темами работ его учеников»³⁴.

Как уже отмечалось выше, важнейшей организационной причиной формирования школы В. Б. Антоновича стало усиление практической направленности преподавания, проявившееся в российских университетах последней трети XIX в. в расширении просеминарских занятий. Именно на практических занятиях Антонович учил студентов понимать язык документальных источников³⁵. Видимо, именно на семинарах он, приглядываясь к слушателям, выбирал тех, кто в будущем мог взяться за написание серьезных исследовательских работ.

После освоения студентами азов исследовательского труда приходила пора более серьезных работ. В то время в российских университетах существовала система медальных сочинений: руководствуясь очередностью, профессора факультета предлагали несколько тем, освоив одну из которых и представив соответствующий труд, студент удостоивался медали. Это, как правило, давало возможность напечатать работу в «Университетских известиях» (в Киевском университете), а по окончании вуза получить степень кандидата (до 1884 г., когда она была отменена по новому университетскому уставу) и остаться при кафедре.

Все темы, предлагавшиеся Антоновичем, вращались вокруг сюжетов южнорусской (украинской) истории, преимущественно раннего Средневековья и посвяща-

³² Там же. С. 20.

³³ Антонович В. Б. Костомаров как историк // Киевская старина. 1885. № 5. С. XXXIII.

³⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 279. Картон 14. Д. 12. Л. 19.

³⁵ Верзилов А. В. Воспоминания об В. Б. Антоновиче // Труды Черниговской архивной комиссии. Вып. 7. Приложения. Чернигов, 1908. С. 94–95.

лись изучению отдельных земель Древнерусского государства до XIV в., когда эти территории начали включаться в состав Великого княжества Литовского³⁶. Многие авторы продолжали работать над «областной» тематикой и после окончания университета, защитив магистерские и докторские диссертации.

С 1881 по 1903 г. вышли в свет одиннадцать книг, объединенных «областной» тематикой. Их авторами были А. М. Андрияшев, Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, А. С. и М. С. Грушевские, В. Е. Данилевич, М. В. Довнар-Запольский, П. А. Иванов, В. Г. Ляскоронский, Н. В. Молчановский. У Антоновича были и другие ученики (среди наиболее известных — И. А. Линниченко, О. Левицкий, В. Щербина), но тематика их работ, а иногда и идейно-методологическая направленность расходились с общими принципами школы. Как долго существовала школа Антоновича? Если говорить об общности тематики, то уже следующие за «областными» сочинения многих учеников Антоновича были посвящены иным сюжетам: Д. И. Багалей написал докторскую диссертацию по исторической географии, о колонизации степной окраины Московского государства в XVI—XVII вв.; А. М. Андрияшев занялся изучением писцовых книг, на основе которого предложил новую теорию происхождения пятин; М. В. Довнар-Запольский предпринял исследование государственного хозяйства ВКЛ. Таким образом, строго «областную» тематику продолжил изучать только П. В. Голубовский. Это не означает, что труды по региональной истории не встречались в дальнейшем творчестве других представителей школы, но они перестали занимать приоритетное положение. В 1920-е — начале 1930-х годов возвратился к изучению южных земель Руси А. М. Андрияшев, однако три его опубликованных статьи и одна оставшаяся в рукописи были посвящены вопросам колонизации (заселения) этих земель, т. е. представляли собой исключительно историко-географические работы³⁷.

Причина прекращения выхода «областных» сочинений заключалась прежде всего в исчерпанности тем: все земли Южной и Западной Руси, т. е. территорий, вошедших в состав ВКЛ, были изучены, некоторым землям (Северской, Волынской, а также позднее белорусским) посвящены даже не одно, а несколько сочинений. Поэтому те, кто продолжал изучать «свои» территории, должны были заниматься уже иным, более поздним хронологическим периодом, как это сделал А. С. Грушевский, проследивший историю Турово-Пинской земли в составе ВКЛ. Что касается методологического единства, то оно также стало нарушаться иногда в самих «областных» трудах, особенно в вышедших в 90-е годы. На смену теории равнозначных факторов у некоторых авторов (В. Г. Ляскоронский, М. С. Грушевский, М. В. Довнар-Запольский, В. Е. Данилевич) постепенно приходит признание приоритета какого-либо одного фактора, чаще экономического или географического. Кроме того, выйдя за пределы костомаровской парадигмы, Грушевский к началу XX в. эволюционировал к признанию Киевской Руси украинским государством,

³⁶ *Дербин Е. Н.* Политическое устройство Древней Руси в представлениях научных школ историков России и Украины конца XIX — начала XX века // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2013. Вып. 3. С. 12–20.

³⁷ *Михальченко С. И.* Историко-географические труды А. М. Андрияшева // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1997. С. 284–286.

выдвинув концепцію неперервного розвитку українського народу с древности³⁸, Довнар-Запольский также предложил свою собственную концепцию истории России, скорее развивающую концепцию торгового капитализма Ключевского, чем взгляды Антоновича. Правда, уже после 1917 г. он стал творцом теории неперервного развития белорусского народа от Полоцкого княжества до XX в., фактически аналогичной подходу Грушевского к истории Украины³⁹.

Таким образом, можно ограничить период существования школы периодом 1880-х — 1900-х годов, т. е. временем выхода «областных» трудов. «Областной» историей назвал ее еще в 1908 г. и один из учеников Антоновича Довнар-Запольский, полагавший, что «основной элемент исторической школы есть направление, цель работ; такой целью В. Б. Антонович всегда ставил монографическую разработку областной истории»⁴⁰.

В современной украинской историографии распространена иная точка зрения: фактически повторяя высказанное еще в 1928 г. мнение Д. И. Багалая⁴¹, ряд историков полагают, что киевская историческая школа (киевская документальная школа), под которой понимается исключительно школа Антоновича, «не может считаться сугубо академическим объединением и является национально-украинской по замыслу и духу»⁴². Между тем в таком утверждении содержится серьезное преувеличение: фактически только М. С. Грушевский последовательно прокламировал концепцию отдельной от российской украинской истории начиная с раннесредневековых времен. Сформированная им в Львовском университете школа⁴³ развивалась вне рамок российской историографии. Выступившая же наследницей школы Антоновича в Киевском университете школа Довнар-Запольского, напротив, в значительной степени (за редкими исключениями) отошла от украинской тематики, прославившись трудами по истории Московской Руси.

Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934) преподавал в Киевском университете в 1901–1919 гг., фактически став преемником отошедшего от активной работы Антоновича. К тому времени у Довнар-Запольского был уже некоторый опыт педагогической деятельности в высшем учебном заведении: в 1899—1901 гг. он вел приобретенные определенную популярность у студентов семинарские и практические занятия в Московском университете⁴⁴, активно привлекал студентов к работе с источниками, в частности, из архива Министерства юстиции.

³⁸ Грушевський М. С. Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії Східного Словянства // Статті по славянознавству. Вип. 1. СПб., 1904. С. 298–304.

³⁹ Михальченко С. И. М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 162–169.

⁴⁰ Довнар-Запольский М. В. Исторические взгляды В. Б. Антоновича // Довнар-Запольский М. В. Из истории общественных течений в России. Киев, 1910. С. 280.

⁴¹ Багалій Д. І. Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті. Т. 1. [Б. м.], 1928. С. 30–40.

⁴² Босенко Н. Національний контекст діяльності «Київської історичної школи» другої половини — поч. XX ст. в історіографії // Наукові записки [Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка]. Сер. Історичні науки. 2011. Вип. 14. С. 212. См. также: Пазюра Н. Київська історична школа: Андрій та Микола Стороженки // Історіографічні дослідження в Україні. 2014. Вип. 25. С. 6–26. Тарасенко О. О. Профессор Володимир Антонович у спогадах учнів // Гілея: науковий вісник. 2015. Вип. 98. С. 99.

⁴³ Педич В. Історична школа Михайла Грушевського у Львові. Івано-Франківськ, 1997.

⁴⁴ Пичета В. И. Воспоминания о Московском университете (1857–1901) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 587.

В письме графине П. Уваровой от 25 октября 1900 г. Довнар-Запольский сообщал, что руководит работой студентов по описанию архивных документов. «Студенты работают с большой охотой, — подчеркивал Довнар-Запольский. — И меня это увлекает»⁴⁵. Вскоре после переезда в Киев, летом 1901 г., он отмечал в письме к тому же адресату: «Описание грамот Вашего собрания я тоже устрою посредством переписки со студентами. Они теперь хорошо обучены мною чтению и разбору рукописей. Один из них возьмет, с Вашего согласия, ответственность за наблюдение за рукописями»⁴⁶. Формой работы со студентами ученый избрал научный кружок, опыт организации которого, вероятно, позаимствовал в Москве, где большой популярностью в университете пользовался, например, кружок под руководством П. Г. Виноградова⁴⁷.

Кружок просуществовал с 1903 по 1919 г. Выбор темы рефератов или сообщений зависел и от воззрений руководителя, и от интересов студентов. Так, Довнар-Запольский в инструкции к занятиям уже ставшего стипендиатом Б. Г. Курца составил план занятий «сообразно вкусам и наклонностям, обнаруженным стипендиатом во время своего пребывания в университете». Учет интересов учеников приводил при некоторых общих методологических установках к известному разбросу в тематике занятий членов кружка. При этом абсолютное большинство даваемых Довнар-Запольским тем могло быть выполнено только по московским и петербургским архивам. Ходатайствуя о выдаче стипендии оставленному при кафедре Б. Г. Курцу, 2 сентября 1911 г. в письме к главному редактору «Журнала Министерства народного просвещения» Э. Л. Радлову Довнар-Запольский писал: «Наши стипендии по моей кафедре носят совсем особый характер, сравнительно с другими Университетами: я настаиваю на стипендиях для своих учеников не для того, чтобы дать им возможность жить в Киеве, но для того, чтобы дать возможность ехать в Москву и заниматься в архиве. Стипендия моего ученика — это командировочные. Специалиста по русской истории в Киеве выработать нельзя, его надо отправлять в московские архивы», — утверждал М. В. Довнар-Запольский⁴⁸.

Разработав тему, студент выступал с докладом на заседании кружка. Количество членов кружка несколько превышало количество докладчиков, за десять лет на 64 заседаниях было прослушано 92 доклада, членами кружка за этот период стали 103 человека (многие выступали по несколько раз⁴⁹). После апробации наиболее научно выверенные сообщения публиковались в «Университетских известиях», сборниках статей членов кружка. Всего вышло 8 сборников, из них три состояли из небольших по размеру статей, остальные были отданы монографическим исследованиям, как правило — медальным сочинениям⁵⁰.

⁴⁵ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 17. Оп. 1. Д. 546. Л. 787–787 об.

⁴⁶ Там же. Л. 796 об.

⁴⁷ Готье Ю. В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 572.

⁴⁸ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 252. Оп. 2. Д. 501. Л. 29 об. — 30.

⁴⁹ Яницкий Н. Ф. Отчет о 10-летней деятельности кружка // Юбилейный сборник [Студенческого историко-этнографического кружка под руководством М. В. Довнар-Запольского]. Киев, 1915. С. 2–8.

⁵⁰ Карпуть Д. О. Період найвищої активності в діяльності наукової школи М. В. Довнар-Запольського (1911–1915) // Гілея: науковий вісник. 2017. Вип. 121. С. 28–32.

Именно в кружке М. В. Довнар-Запольский отбирал тех, кто затем был рекомендован к оставлению при кафедре. С 1906 по 1919 г. было оставлено для подготовки к профессорскому званию не менее десяти кружковцев: Г. А. Максимович, А. М. Гневушев, П. П. Смирнов, Е. Д. Сташевский, Б. Г. Курц, Ф. В. Клименко, Н. Ф. Яницкий, С. Г. Грушевский, В. М. Базилевич, В. А. Романовский. Кроме того, активной научной работой под руководством М. В. Довнар-Запольского вне «аспирантуры» занималась ученица профессора по Киевским Высшим женским курсам Н. Д. Полонская⁵¹. Перечисленные авторы и составили школу Довнар-Запольского, явившуюся продолжательницей школы Антоновича.

Общее в наследии этих двух школ — территориальный (областнический, партикуляристический) принцип изучения истории. Однако в трудах школы Антоновича преобладало изучение политической истории на основе федеративной концепции Костомарова, отсюда — временные рамки их сочинений: от древности до начала XV в. Труды школы Довнар-Запольского создавались во время широкого распространения экономистских воззрений, они исследовали хозяйственную историю Руси конца XV—XVII вв. преимущественно по писцовым книгам, поэтому в современной украинской историографии школа Довнар-Запольского часто называется «историко-экономической»⁵².

Серьезным испытанием как для «внутришкольных» взаимоотношений, так и для стабильности отношений «учитель — ученики» оказалось так называемое «дело Сташевского» (то ли похищение, то ли некорректное использование Е. Д. Сташевским документов из московских архивов с целью дальнейшего использования в магистерской диссертации). В дело 1915–1918 гг. оказались втянуты не только ученики Довнар-Запольского, но и ученик Антоновича В. Е. Данилевич. В условиях начавшейся революции порицание Довнар-Запольским поступка своего ученика едва не стоило профессору жизни⁵³.

Осознание учениками М. В. Довнар-Запольского себя как школы началось относительно рано, чему способствовала формальная организация их в кружке (и наряду с этим — «школьные» традиции Киевского университета). Первое по времени упоминание, видимо, относится к 1909 г.: именно тогда 7 января было закончено составление обширного отчета профессорского стипендиата Смирнова о занятиях с 1908 г. В отчете, вслед за сравнительно подробной характеристикой «областнической» школы Антоновича, упоминается (без расшифровки) среди авторов экономического направления «киевская школа профессора Довнар-Запольского»⁵⁴. Следующим упоминанием о школе Довнар-Запольского, видимо, можно считать ее характеристику в статьях середины 30-х годов, наполненных в большей степе-

⁵¹ Магистерские диссертации защитили Е. Д. Сташевский (1913), Г. И. Максимович (1914), П. П. Смирнов (1919). Опубликовал, но не успел защитить докторскую диссертацию Е. Д. Сташевский. Уже в советское время докторами исторических наук стали Н. Д. Полонская-Василенко (1940), В. А. Романовский (1949), П. П. Смирнов (1942); доктором географических наук стал Н. Ф. Яницкий.

⁵² *Верба І.В., Карпуть Д. О.* Київська історико-економічна школа М. В. Довнар-Запольського. Київ, 2012.

⁵³ *Михальченко С. И.* Дело профессора Е. В. Сташевского // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 122–129; *Марченко Е. О.* Євген Сташевський та справа про викрадення документів з архівів Міністерства Юстиції та Міністерства іноземних справ // Вісник Київського Національного Університету ім. Тараса Шевченка. Історія. 2003. Вип. 70. С. 121–124. *Верба І.* «Справа Сташевського» і Київський університет // Часопис української історії. 2016. Вип. 33. С. 22–26.

⁵⁴ Государственный архив Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 3788. Л. 12.

ни уничижительной критикой, нежели анализом деятельности объединения. При этом одна из статей написана учеником Довнар-Запольского А. П. Оглоблиным⁵⁵. После упоминания школы в 1941 г. в «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна⁵⁶ о ней («в которой заметно выступают тенденции экономизма и интерес к социальной тематике») надолго перестали говорить. Всплеск интереса к творчеству и самого Довнар-Запольского, и к работам его учеников начался уже в 1990-е годы и не спадает до сих пор⁵⁷.

Еще одним подразделением общей киевской школы историков была школа западнорусского права, к первому поколению которой относились Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов (1838–1916)⁵⁸ и Федор Иванович Леонтович (1833–1910)⁵⁹, а ко второму — ученики Владимирского-Буданова из Киевского университета Г. В. Демченко, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский, А. Я. Шпаков, М. Н. Ясинский и ученик Леонтовича в Варшавском университете Ф. В. Тарановский. М. Ф. Владимирский-Буданов и Ф. И. Леонтович были среди основоположников изучения истории права Великого княжества Литовского. Однако особенности карьеры Ф. И. Леонтовича, его частые переезды из университета в университет, высокие административные посты не способствовали кропотливой работе с учениками. Не случайно Тарановский, единственный ученик Леонтовича, достигший признания в науке, появился у него только в конце профессиональной деятельности, в период его работы в Варшавском университете в 1890-е годы⁶⁰. Напротив, Владимирский-Буданов с середины 1870-х годов в течение почти сорока лет преподавал в Университете Св. Владимира, поэтому именно его ученики составили костяк школы западнорусского права. При этом в отличие от Антоновича и Довнар-Запольского он занимался делами «аспирантов» сравнительно непродолжительный период, всего около десяти лет в конце 80-х — начале 90-х годов. Причиной был, во-первых, выход в свет главного труда историка — «Обзора истории русского права» (Киев, 1886), в котором он сформулировал свою концепцию истории русского права (а фактически — русской истории вообще), включив в него право ВКЛ; во-вторых, именно к этому времени относится появление принципиальных литuanистических работ Ф. И. Леонтовича, М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского, самого М. Ф. Владимирского-Буданова, что, в свою очередь, позволило поставить новые проблемы гражданской и правовой истории ВКЛ.

Позднее Владимирский-Буданов, вспоминая те годы, писал: «Вопросы историко-юридические из сферы Литовско-Русского государства сделались модными. За них взялись у нас и историки и юристы. Что привлекло к этому уголку науки столько деятелей? Сознание ли о том, что здесь лежит одно из важнейших звеньев

⁵⁵ Оглоблин О. П. Буржуазна історична школа Довнар-Запольского: до генези блоку російського великодержавництва й місцевого націоналізму в українській історіографії // Записки Історично-археологічного інституту. № 1. Київ, 1934. С. 158–225.

⁵⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 509.

⁵⁷ Карпуть Д. О. Історіографія дослідження кийівської школи економічної історії М. В. Довнар-Запольського // Гілея: науковий вісник. 2016. Вип. 110. С. 111–17.

⁵⁸ Михальченко С. И. Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 298–306.

⁵⁹ Михальченко С. И. Федор Иванович Леонтович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 273–280.

⁶⁰ Михальченко С. И. Федор Васильевич Тарановский // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 16–33.

правовой русской истории, связующих Древнюю Русь с Москвой, и новейшей? Убеждение ли в том, что без этого звена совсем нельзя построить цельное понимание прошлой жизни нашего отечества? Или только новость еще нетронутого материала, между тем как вопросы, относящиеся к Древней Руси и Московской, уже в значительной степени затасканы (хотя, может быть, половина их не решена надлежащим образом)? Многое в новейшей литературе истории Литовско-Русского государства должно быть отнесено к этой последней категории. Пусть, так, — и эти книги, с излишеством наполненные сырым материалом, не бесполезны... Но не во всех этих книгах можно уловить сознание отношения предмета к основным запросам русской науки. Эти сеймы, рады, трибуналы, шляхетство — русские ли это учреждения или чужие? Отразилось ли их бытие чем-либо в жизни русского народа и нашего государственного организма? В какой связи они стоят с явлениями предшествующей и последующей истории нашего государства и права?»⁶¹

Как и Антонович, Владимирский-Буданов активно использовал практические занятия в качестве формы работы со студентами. Именно на практических занятиях профессор учил студентов анализу источников, передавая им свои принципы научной работы. По свидетельству учившегося на юридическом факультете Киевского университета в 1870-е годы В. С. Чеважевского, «для профессоров практические лекции служили самым удобным средством для выбора из нашей среды выделяющихся по своим знаниям и талантам лиц, которые потом намечались профессорами в стипендиаты для приготовления их к профессорскому званию»⁶².

И сами ученики, и другие современники не сомневались в существовании школы Владимирского-Буданова. Особенно это проявилось после его смерти, когда в большинстве некрологов среди главных заслуг ученого отмечалось создание им школы⁶³. Но самоосознание началось, конечно, раньше, чему явно способствовала большая хронологическая «кучность» оставленных при кафедре. Первым по времени упоминанием о школе было, вероятно, упоминание в выступлении Малиновского на защите магистерской диссертации 1 февраля 1904 г. И. А. Малиновский связал школу Владимирского-Буданова со школой Антоновича, завершив эту часть своего выступления не без пафоса: «К числу учеников Владимирского-Буданова принадлежу и я. Как уроженец юго-западного края и как бывший студент Киевского университета, я высоко ставлю специальную миссию своей *alma-matris*, заключающуюся в изучении литовско-русской истории»⁶⁴. Летом 1907 г., предлагая Совету юридического факультета Харьковского университета избрать Владимирского-Буданова (наряду с В. И. Сергеевичем) почетным членом университета, Н. А. Максимейко подчеркивал, что «литовское направление Буданов передал и своим ученикам, из которых в настоящее время, можно сказать, образовалась

⁶¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Разбор сочинения М. Н. Ясинского «Главный литовский трибунал, его происхождение, организация и компетенция. Вып. 1». СПб., 1904. С. 2–3.

⁶² Чеважевский В. С. Из прошлого Киевского университета и студенческой жизни: 1870–1875 // Русская старина. 1911. Июнь. С. 579.

⁶³ Яковкин И. М. М. Ф. Владимирский-Буданов (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 11. 3 паг. С. 37; Малиновский И. А. Памяти учителя: опыт характеристики ученой и преподавательской деятельности профессора М. Ф. Владимирского-Буданова // Варшавские университетские известия. 1917. С. 7.

⁶⁴ Малиновский И. А. Речь перед диспутом (произнесена 1 февраля 1904 г. в публичном заседании юридического факультета университета Св. Владимира). Томск, 1904. С. 5.

целая школа. Ее составляют Ясинский, Малиновский, Демченко и др. К ней имею честь принадлежать и я»⁶⁵.

Общей методологией школы западнорусского права был позитивизм с широким использованием сравнительно-исторического метода, что не означало ее «застылости», эволюция происходила, но, как правило, в пределах позитивистской парадигмы. Только в 1920-е годы, когда школа раскололась, началось более активное восприятие и использование новых философских концепций (прежде всего это заметно в творчестве Малиновского и Тарановского). Конкретно-исторические исследования членов школы лежали преимущественно в области изучения истории Великого княжества Литовского, при этом историки обращали особое внимание на государственные институты и органы управления в отличие от представителей других направлений общей киевской школы, которым был свойствен интерес к политической истории (школа Антоновича) или экономической (школа Довнар-Запольского)⁶⁶. Активный интерес к проблемам литовской истории не только не помешал занятиям историей русской, но, напротив, способствовал созданию собственной, во многом оригинальной концепции российского исторического процесса (тем более что все представители школы считали ВКЛ русским государством, таким же как Московское).

Итак, ученики Н. Д. Иванишева по университету (в 1850-х — 1860-х годах) М. Ф. Владимирский-Буданов и Ф. И. Леонтович, а также В. Б. Антонович, ученик и преемник по Киевской комиссии для разбора древних актов (где Н. Д. Иванишев был главным редактором изданий), составили первое поколение киевской школы, причем М. Ф. Владимирский-Буданов и В. Б. Антонович в 1870-е — 1890-е годы руководили соответственно кафедрами истории русского права юридического факультета и русской истории историко-филологического факультета. А. М. Андрияшев, Д. И. Багалея, П. В. Голубовский, А. С. и М. С. Грушевские, В. Е. Данилевич, М. В. Довнар-Запольский, В. Г. Ляскоронский и Н. В. Молчановский, ученики Антоновича, и Г. В. Демченко, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский, А. Я. Шпаков, М. Н. Ясинский, ученики Владимирского-Буданова, — второе ее поколение. При этом Владимирский-Буданов и Леонтович стали основателями особой школы западнорусского права в российской историографии. Наконец, к третьему поколению киевской школы принадлежали А. М. Гневушев, Ф. Я. Клименко, Б. Г. Курц, П. П. Смирнов, Е. Д. Сташевский, Н. Ф. Яницкий и другие, ученики уже М. В. Довнар-Запольского. Их активная научная деятельность приходится на 1910-е — 1920-е годы.

Эмиграция ряда историков, изменение системы высшего образования в 1920-е годы и репрессии против ученых старой формации в 1930-е годы привели к распаду и ликвидации киевской школы историков. И хотя некоторые из представителей школы продолжали работать и позже (П. П. Смирнов, В. А. Романовский, Н. Ф. Яницкий), изменение методологии исследований, а у части историков и тематики занятий не позволяет говорить о сохранении объединения с общей научной программой. Таким образом, в Киевском университете во второй половине XIX — начале XX в. существовал особый феномен — функционировавшие параллельно школы историков (позже — отчасти последовательно). При известной вариативно-

⁶⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 153. Д. 453. Л. 18.

⁶⁶ Бондарук Т. І. Західноруське право: дослідники і дослідження (Київська історико-юридична школа). Київ, 2000.

сти в тематике и методологии исследований сохранявшиеся на протяжении десятилетий некоторые общие научные и организационные основы позволяют рассматривать совокупность школ в Университете Св. Владимира как единую киевскую школу отечественных историков в российской историографии⁶⁷, представители которой действовали в рамках нескольких направлений⁶⁸. Безусловно, представители киевской школы (в первую очередь М. С. Грушевский) внесли важный, если не решающий вклад в формирование украинской историографии, но, поскольку развитие национальных историографий в условиях Российской империи было серьезно осложнено, по отношению ко второй половине XIX — началу XX в. уместнее говорить о российской (= общероссийской) историографии, в рамках которой развивалась и киевская школа историков.

References

- Antonovich V. B. Kostomarov kak istorik. *Kievskaiia starina*, 1885, vol. 5, pp. XXVI–XXXIV. (In Russian)
- Belen'kii I. L. Rossiiskoe nauchno-istoricheskoe soobshchestvo v kontse XIX — nachale XXI vv.: publikatsii i issledovaniia 1940-kh — 2010-kh gg. *Nauchnoie soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen*. Ed. by G. Bordyugov. Moscow, AIRO-XXI, 2011, pp. 344–478. (In Russian)
- Bogdashina O. Do pitannia pro natsional'nu identifikatsiiu istorikov Ukraini drugoi polovini XIX — pochatku XX st. *Istoriografichni doslidzhennia v Ukraini*, 2011, iss. 21, pp. 6–17. (In Ukrainian)
- Bosenko N. Ideino-politichnii faktor i naukovi peredumovi zarodzhennia "kiivs'koi dokumentalistskoi shkoli" v skhidnoslov'ns'kii istoriografii. *Naukovi zapysky [Kirovohrads'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu im. Volodymyra Vynnychenka]*. History, 2012, iss. 6, pp. 193–199. (In Ukrainian)
- Derbin Ye. N. Politicheskoe ustroistvo Drevnei Rusi v predstavleniakh nauchnykh shkol istorikov Rossii i Ukrainy kontsa XIX — nachala XX veka. *Vestnik of Udmurt State University. History and Philology*, 2013, iss. 3, pp. 12–20. (In Russian)
- Dovnar-Zapol'skii M. V. Istoricheskie vzgliady V. B. Antonovicha. *Dovnar-Zapol'skii M. V. Iz istorii obshchestvennykh techenii v Rossii*. 2nd ed. Kiev, I. I. Samonenko, 1910, pp. 268–280. (In Russian)
- Grushevskii M. S. Zvichaina skhema "russkoi" istorii i sprava ratsional'nogo ukladu istorii Skhidnogo Sloviaanstva. *Statii po slavianovedeniiu*. Ed. by B. I. Lamanskii. Iss. 1. St. Petersburg, Tipografia imp. Akademii nauk, 1904, pp. 298–304. (In Ukrainian)
- Ivanishev N. D. *Sochineniia*. Kiev, Kiev State University Press, 1876, 451 p. (In Russian)
- Korzun V. P., Myagkov G. P. Nauchnye shkoly v rossiiskoi istoricheskoi nauke (opyt istoriograficheskogo osmysleniia poslednykh desiatiletii). *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2013, vol. 6, pp. 158–201 (In Russian)
- Kostomarov N. I. Dve russkii narodnosti. Kostomarov N. I. *Sobraniiie sochinenii*. Book 1. St. Petersburg, Obshchestvo dlia posobiiia nuzhdaiushchimsia literatoram i uchenym, 1903, pp. 31–65. (In Russian)
- Kostomarov N. I. Mysli o federativnom nachale v drevnei Rusi. Kostomarov N. I. *Sobraniiie sochinenii*. Book 1. St. Petersburg, Obshchestvo dlia posobiiia nuzhdaiushchimsia literatoram i uchenym, 1903, pp. 1–30. (In Russian)

⁶⁷ В современной украинской науке идет дискуссия о национальной самоидентификации историков Украины рубежа XIX–XX веков. Предложен, в частности, тезис о «двойной лояльности» ученых, которые занимались историей Украины, но были при этом российскими (или австрийскими во Львове и Черновцах) чиновниками по должности (Богдашина О. До питання про національну ідентифікацію істориків України другої половини XIX — початку XX ст. // Історіографічні дослідження в Україні. 2011. Вип. 21. С. 15). Еще одной тенденцией является желание избежать термина «российская историография», заменяя ее термином «восточнославянская» (Босенко Н. Ідейно-політичний фактор і наукові передумови зародження «київської документалістської школи» в східнослов'янській історіографії. С. 193–199).

⁶⁸ О взаимоотношении школ и направлений в исторической науке см.: Михальченко С. И. Школы в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков: сб. статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 195–211.

- Kostomarov N. I. Nachalo edinoderzhavii v drevnei Rusi. Kostomarov N. I. *Sobraniiie sochinenii*. Book 5. St. Petersburg, Obshchestvo dlia posobiia nuzhdaiushchimsia literatoram i uchenym, 1903, pp. 5–94. (In Russian)
- Lapteva L. P. Professor Universiteta Sv. Vladimira N. D. Ivanishev (1811–1874) i ego deiatel'nost' v Kievskoi arkhograficheskoi komissii. *Ukrains'kii arkhografichnii shchorichnik. Nova seriia*. Iss. 1. Kiev, Naukova dumka, 1992, pp. 47–58. (In Russian)
- Maksimovich M. A. *Sochineniia*. Vol. I. Kiev, M. P. Fritz, 1876, 847 p. (In Russian)
- Meľnikova O. M. *Nauchnye shkoly v arkheologii*. Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Izhevsk, 2004, 56 p. (In Russian)
- Mikhalchenko S. I. Fedor Ivanovich Leontovich. *Istoriki Rossii. Biografii*. Moscow, ROSSPEN, 2001, pp. 273–280 (In Russian)
- Mikhalchenko S. I. Fedor Vasil'ievich Taranovskii. *Voprosy istorii*, 2017, no. 9, pp. 16–33. (In Russian)
- Mikhalchenko S. I. Mikhail Flegontovich Vladimirkii-Budanov. *Istoriki Rossii. Biografii*. Moscow, ROSSPEN, 2001, pp. 298–306. (In Russian)
- Mikhalchenko S. I. M. V. Dovnar-Zapol'skii: istorik i obshchestvennyi deiatel. *Voprosy istorii*, 1993, no. 6, pp. 162–169. (In Russian)
- Mikhalchenko S. I. Shkoly v istoricheskoi nauke. *Otechestvennaia kul'tura i istoricheskaia mysl' XVIII–XX vekov*. Ed. by A. M. Dubrovskii. Iss. 3. Bryansk, Bryansk State University Press, 2004, pp. 195–211. (In Russian)
- Myagkov G. P. Istorik v "svoiei" nauchnoi shkole: problema "vnutrishkol'noi" kommunikatsii. *Istorik na puti k otkrytomu obshchestvu: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Ed. by V. P. Korzun. Omsk, Omsk State University Press, 2002, pp. 115–119. (In Russian)
- Ostryanko A. Naukovi istorichni shkoly v Ukraini: fantomi ukraiins'koi istoriografii. *Istoriografichni doslidzhennia v Ukraini*, 2012, no. 22, pp. 293–310. (In Ukrainian)
- Repina L. P., Miagkov G. P. Intel'ktual'naia kul'tura i nauchnye kommunikatsii. *Vestnik of Udmurt State University. History and Philology*, 2014, iss. 3, pp. 137–142. (In Russian)
- Verba I. V., Karpus D. O. *Kiev's'ka istoriko-ekonomichna shkola M. V. Dovnar-Zapol'skoho*. Kiev, Tsentr pam'iatkoznavstva NAN Ukraini; UTOPIK, 2012, 148 p. (In Ukrainian)

Статья поступила в редакцию 18 июня 2018 г.

Рекомендована в печать 30 ноября 2018 г.

Received: June 18, 2018

Accepted: November 30, 2018